

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая СТРАНА ЖИВЫХ

Глава 1. Детокс-буги	9
Глава 2. Миа Томасина и Ее Дьявольская Светлость	30
Глава 3. Тягостное возвращение домой.	49

Часть вторая ПРИВЕТ С ПЛАНЕТЫ ДЕТСТВА

Глава 4. Мертвый кролик.	85
Глава 5. Рубцовая ткань	113
Глава 6. Секреты ремесла	129
Глава 7. Отвлекающий маневр Клэя Уиллиса	146
Глава 8. Пенанс	160

Часть третья ДЕТИ ИЗ ЧЕРНОЙ ПАСТИ

Глава 9. Красный шар, золотая монета	177
Глава 10. Воссоединение	190
Глава 11. Последний урок	211
Глава 12. Рот как рот.	238
Глава 13. Находка	246

Часть четвертая

САТТОНС-КИ

Глава 14. Человек с множеством лиц	287
Глава 15. Ярмарка (вечер первый)	296
Глава 16. Младенец в шахте	332
Глава 17. Сталл держится в тени	347
Глава 18. Тучи (образно говоря) сгущаются	355
Глава 19. Бибби и Волшебник	371
Глава 20. Ярмарка (вечер второй)	393
Глава 21. Престижитатор Патч	418

Часть пятая

В ДОМЕ СТРАХА

Глава 22. Дом	447
Глава 23. Спуск в колодец	474
Глава 24. Судьба	496
Глава 25. Послесловие	515
Эпилог. Грандиозное и невыразимое величие	526
<i>Благодарности</i>	538

Для Кангаса

В выздоровлении нет никакой магии.
Общество анонимных алкоголиков

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРАНА ЖИВЫХ

Глава 1

ДЕТОКС-БУГИ

1

Через неделю после того, как наша мать покончила с собой, моего брата Дэнниса задержала полиция: он брел по обочине извилистого горного шоссе в одних белых «семейниках» и — могу только предположить — с отсутствующим выражением лица. Его обнаружили в шести милях от города, из чего следовало, что Дэннис прошагал под палящим летним солнцем несколько часов. Когда полиция нашла моего брата, он был обезвожен. Лицо запеклось до красноты и блестело, на обгоревшей груди и плечах вздулись волдыри, а безволосый живот над растянутой резинкой трусов усеян бисеринками пота. Должно быть, он походил на только что вымытый переспевший тропический фрукт. Единственным исключением были ноги — босые и покрытые дорожной пылью. Каждый шаг оставлял на асфальте кровавые кляксы.

Я узнал обо всем этом — о Дэннисе, бредущем по обочине в нижнем белье, и о самоубийстве

нашей матери — от полицейского детектива из Саттонс-Ки, Западная Вирджиния. Каким-то образом он умудрился найти номер моего мобильного и написал мне. По правде сказать, время было не самое удачное. Я только что прошел курс лечения от алкоголизма — одно из условий моей дальнейшей работы на литейном заводе в Огайо, где я трудился последние шесть лет. Я управлял краном, перевозившим стале-разливочный ковш с расплавленным металлом, когда регулировка вышла из строя. И хотя никто не пострадал, ущерб был значительным (включая стоимость очистки и ремонта), а часть завода пришлось на время закрыть. В тот день Лен Прудер, начальник смены, затащил меня к себе в кабинет. Лен был приземистым, похожим на картофелину парнем с проплешинами на голове. Он приблизился к моему лицу — кончик его носа буквально уткнулся мне в губы. Я невольно отстранился.

— Ты пьян, Джейми,— сказал Лен, раздувая ноздри. Его глаза с опухшими красными веками шныряли по моему лицу.— Чертов сукин сын, да от тебя разит, как из пивной. Повезло еще, что никого не убил. Сгребай свои манатки и убирайся.

Так что я сгреб свои манатки и убрался. Однако через два дня мне позвонил начальник цеха, бывший морской пехотинец по имени Йегер, и пригласил на встречу. Едва войдя в комнату отдыха для работников литейного завода, я тут же почувствовал себя как в ловушке: Йегер, Лен и несколько лощенных типов в костюмах сидели по

одну сторону большого деревянного стола, терпеливо дожидаясь моего появления. Как вскоре стало понятно, люди в костюмах были юристами. Защелкали латунные застёжки на портфелях. Один из костюмов спросил, был ли я пьян, когда управлял краном («нетрезв» — так он выразился). Я ответил, что, вероятно, был с похмелья, так как накануне вечером провел несколько часов в пабе Донована, хотя не думаю, что все еще был пьян. Тогда другой костюм поинтересовался, часто ли я прихожу на работу с похмелья. Я ответил — нет, не то чтобы часто, хотя иногда — возможно. По правде говоря, в тот момент у меня в животе была свинцовая тяжесть, а в голове трещало так, словно кто-то выколачивал глазные яблоки кувалдой. Ведь когда тебя увольняют, ты идешь и напиваешься, разве нет? Вероятно, я говорил убедительно или, по крайней мере, искренне, потому что костюмы кивали в ответ и, похоже, остались довольны. Йегер, который по старой военной привычке носил стрижку «ежик» (точно по его макушке прошлись газонокосилкой) даже ухмыльнулся. Только Лен Прудер, сидевший напротив меня за скрипучим деревянным столом в комнате отдыха литейного завода, нахмурился. Его лицо стало пунцовым, а на скулах заиграли желваки.

— Это не первый случай,— заговорил Лен. Выглядел он так, будто его вот-вот удар хватит, на виске пульсировала вена толщиной с соломинку из «Макдоналдса». — От этого парня одни неприятности. Закончится тем, что онубьет себя

или кого-нибудь. Иногда он по нескольку дней не является на работу, и мы вынуждены перестраивать график, чтобы кто-то его прикрыл...

Йегер поднял руку, и Лен Прудер умолк. Адвокаты на конце стола беспокойно заерзали.

Как выяснилось, сталеразливочный ковш уже три года не проходил проверку безопасности, и кто-нибудь пошустрее на моем месте мог бы уйти с этой встречи с солидной денежной компенсацией. Я же был рад просто остаться при своей работе.

— Есть одно условие, Джейми.— Йегер постукал болтообразными пальцами по обшарпанной деревянной столешнице.— Тебе придется пройти курс реабилитации.

— У меня нет денег,— заявил я.

— Это покроет медицинская страховка. В наши дни пьянство считается болезнью. Как рак.

Я заметил, что костюмы дружно напряглись, но промолчали.

— В любом случае, такова политика компании,— продолжил Йегер.— Если хочешь остаться в цехе, без этого никак.

— Вам также придется посещать регулярные собрания Анонимных Алкоголиков, мистер Уоррен,— сказал один из костюмов, листая скрепленную степлером пачку бумаг.

— Насколько регулярные? — спросил я.

— Ежедневные, как минимум.— У парня было щуплое, птичье лицо и кадык, напоминающий звонок на стойке регистрации.— Полити-

кой компании предусмотрено девяносто встреч за девяносто дней.

— Немало. Люди правда ходят каждый день?

— И даже чаще при необходимости.

— Моя страховка покрывает и это?

— Собrania бесплатны,— сказал Йегер.— Я сам был на нескольких.

Поразмыслив секунды три, я согласился. Мне действительно была нужна работа.

Лен Прудер выглядел так, будто хотел броситься через стол и задушить меня.

Через несколько дней я лег в реабилитационный центр. Программа (самая короткая из тех, что они предлагали) была рассчитана на двадцать восемь дней. Женщина по телефону заверила, что мне очень повезло.

— Обычно люди подолгу висят в листе ожидания,— сказала она.

— Не думал, что эти заведения настолько эксклюзивны. Может, мне взять напрокат смокинг?

Женщина на другом конце линии шутку не оценила.

* * *

Я ожидал увидеть казенную обстановку: белые стены, накрахмаленные простыни и санитары в больничной униформе. В действительности место, куда я попал, больше напоминало Зал для военных ветеранов, разделенный на несколько комнат, с голыми полами и обшитыми «под дерево» стенами. Почти на каждой стене висели

Часть первая. СТРАНА ЖИВЫХ

распятия и рамки с вдохновляющими фразами. Небольшой чулан играл роль часовни, где можно было помолиться гипсовому бюсту Девы Марии или взять щетку и подмести полы, в зависимости от настроения. По прибытии я заполнил бумаги, после чего женщина средних лет с проседью в волосах и черными точками на крыльях носа отвела меня в комнату, где по-военному в ряд стояли полдюжины коек. Помещение было совершенно безликим, не считая акустических потолочных панелей с желто-коричневыми разводами от протечек воды.

Первые пару дней все шло неплохо. Я ел, смотрел телевизор, читал, играл в настольные игры или пинг-понг с другими пациентами в унылой, обшитой деревянными панелями комнате отдыха, провонявшей сигаретным дымом и тяжелым, сладковатым душком немойтой плоти. Там было еще пятеро мужчин, каждого из которых одолевали собственные демоны: почерневшие, спавшиеся вены на руках, беззубые рты и едкие, как вулканический газ, телесные запахи. Один парень, худой, как железнодорожный костыль, ходил с неизменной улыбочкой и вечно шурился, из его глаз нескончаемым потоком текли слезы, а выражение лица никогда не менялось. Он бродил из комнаты в комнату, и я мысленно прозвал его Плачущим Ходоком, предпочитая не говорить ему этого в лицо. Если честно, я вообще предпочитал держаться от него подальше. Как и все остальные. Он производил жутковатое впечатление, поэтому его не трогали. Плачущий

Рональд Малфи. ЧЕРНАЯ ПАСТЬ

Ходок, по всей видимости, не возражал и просто продолжал плакать и ходить.

По ночам накатывала тревога. Впрочем, мне было не привыкать. Я никогда не спал, что называется, как убитый, хотя кошмары, которые преследовали меня в юности, со временем отступили в темные уголки подсознания. Лежа без сна, я слушал симфонию храпа и пускания газов от соседей по комнате. Не слишком большая цена за то, чтобы сохранить работу.

Но потом что-то изменилось. Я начал замечать проволочную сетку на всех окнах — и не просто замечать, а *заикливать* на ней. Мне внезапно со всей беспощадностью вспомнилось место, где я провел почти год своей юности — и где не было ничего, кроме черных кругов, кругов, кругов. Кожа зудела и казалась слишком тесной. Меня сжимала клаустрофобия. Мне мерещилась кровь на подошвах ног, высохшие ржавые полосы вдоль штанин. Беспокойные ночи превращались в марафоны бессонницы, наполняя мое сознание неопределенными ужасами. Я таращился на залитые лунным светом потолочные панели с узором теней от проволочной сетки и горящими глазами-лампами. По потолку в хороводе скользили пятна от воды, словно сговорившись преследовать и мучить меня. В нарастающей паранойе мне казалось, будто *нечто* проникло под мою кровать и застряло там, словно колышек в отверстии, и теперь лежало в полной темноте, слегка пощипывая металлическую сетку пружин. Через несколько

таких ночей я стащил матрас с кровати и спал на полу.

Перемены происходили и во мне самом. Я стал раздражительным, беспокойным, дерганым. Не мог унять дрожь в руках. Мои нервы были одновременно расшатаны и натянуты до предела. Я перестал есть. Кричал на женщину с проседью в волосах. Из-за боязни темноты спал только днем, отказался даже от матраса и укладывался прямо на пол, который приятно охлаждал разгоряченную плоть. Головная боль, постепенно закипавшая внутри черепа, была постоянной, нескончаемой пыткой; я часто рыдал, прижимая ладони к глазницам — из страха, что нарастающая сила этой боли может выдавить глазные яблоки. Меня рвало так часто и с такой силой, что живот походил на воздушный шар, который накачали горячим газом. Мочиться под себя стало моим хобби.

В какой-то момент меня отделили от остальных пациентов и перевели в комнату размером не больше чулана для метел. Стареющий хиппи с собранными в хвост длинными седыми волосами и в футболке «Рео Спидвэгон» бросил мой баул на свежезастеленную койку. Я уставился на нее с новым ужасом. Только когда хиппи ударил в ладоши — в замкнутом пространстве комнаты звук показался мне выстрелом стартового пистолета, — я отвел взгляд от койки и посмотрел на него. Хиппи наклонился и заглянул мне прямо в глаза. Уж не знаю, пытался ли этот кретин меня загипнотизировать или просто хотел заглянуть в

Рональд Малфи. ЧЕРНАЯ ПАСТЬ

самую душу. Я попятился, обтирая стену провонявшей от пота рубашкой, пока не уперся в угол.

— От себя не убежишь, приятель, — сказал хиппи. Его зубы напоминали надгробия.

В первую ночь в новой комнате (казавшейся мне, в моем развинченном состоянии, одиночной камерой или, скорее, даже гробом) я услышал из-под кровати звук. Не приглушенное *треньк!* вибрирующих пружин, а влажное *тссск-тссск-тссск* младенца, сосущего грудь матери. Этот образ — приложенного к груди ребенка — с неумолимой силой и четкостью возник у меня в сознании, прорезав пульсирующий туман головной боли, словно луч маяка.

Собрав все силы, что еще оставались в моем трясущемся, дурно пахнущем, ненадежном теле, я скатился с койки и отступил к дальней стене (всего на шесть футов, учитывая размеры комнаты). Через высокий и узкий прямоугольник единственного окна внутрь проникала тусклая полоса света, рисуя на полу искаженную оранжевую панель. Часть этой оранжевой панели уходила под койку, и я с нарастающим ужасом различил, как там внизу что-то *двигалось*. Все это время до меня доносилось *тссск-тссск-тссск*.

Прежде, несмотря на все неудобства, я и не помышлял о том, чтобы *уйти*. Я находился здесь по собственной воле, и если бы мне вздумалось свалить, никто бы меня не остановил. Теперь, когда я услышал этот чмокающий звук и увидел какое-то движение под койкой, желание сбежать стало всеобъемлющим. Если бы я чувствовал в

себе силы добраться до двери, не рухнув под грузом усталости и ужаса, то, возможно, так и сделал бы. Но сил у меня не осталось.

Вместо этого я сделал шаг к койке. Я надеялся, что чмокающий звук стихнет, как стрекот сверчков при твоём приближении. Но влажное жадное чмокание не прекратилось. Напротив, вместе с ним появился едва уловимый запах дыма. Я сделал еще один шаг. Потом еще один. Наконец мои голени уперлись в металлический каркас койки. В горле застрял ком.

В темноте рядом со мной материализовалась фигура, закутанная в черный плащ. Над ухом раздался шепот, который проник мне в самое нутро: *Хочешь увидеть фокус?*

— Нет,— сказал я вслух, а затем потянулся и схватил матрас обеими руками. Не ради пущего эффекта или театральности. Я просто сдернул хлипкий матрас с каркаса и бросил его на пол, где он поднял облако пыли в столбе оранжевого света, льющегося через окно.

На полу под сеткой из пружин лежала женщина и прижимала к себе младенца, придерживая его бледную склоненную головку, пока он сосал грудь. Чмокающие звуки — *тссск-тссск-тссск* — примешивались к свисту крови у меня в ушах, к грохоту сердца, к пронзительному шипению воздуха, выходящего через крохотное отверстие моего горла.

Быстро, словно змея в броске, женщина протянула руку и схватила меня за лодыжку костлявыми пальцами.

Рональд Малфи. ЧЕРНАЯ ПАСТЬ

